

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА 1830-х ГОДОВ

Исследователи лирики Пушкина единодушно отмечают разнообразие способов проявления авторского начала в ранний период его творчества (примерно до середины 1820-х годов). Стихотворения разной жанровой природы имеют и различные формы лирического субъекта, обусловленные и корректируемые живой традицией жанра.¹ Но в пределах одной жанровой группы (посланий, элегий) присутствует очень определенный, хорошо усвоенный читателем «лирический герой».² Во второй половине 1820-х годов он начинает постепенно размываться одновременно с разрушением жанровых границ. Смысловой центр стихотворения смещается в сторону конкретизации лирической ситуации как исходного импульса творческого акта. В лирический сюжет все более широко вовлекаются внешние по отношению к его субъекту явления мира: городские и сельские пейзажи, чужое сознание как партнер в диалоге³ и чужая судьба как предмет описания,

¹ Данный вопрос подробно рассмотрен в ряде работ, посвященных лирике А. С. Пушкина: Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. М., 1974; Фохт У. Р. Лирика Пушкина в ее развитии. — В кн.: Пушкин и литература народов СССР. Ереван, 1975, с. 43—53; Фомичев С. А. О лирике Пушкина. — Русская литература, 1974, № 2, с. 43—53 и др.

² Термин в данном случае употреблен как наиболее распространенный для обозначения лирического субъекта, без ориентации на какую-либо систему терминологических обозначений (например, в работах: Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л., 1940; Корман Б. О. Лирика Некрасова. Воронеж, 1964; Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX века. М.; Л., 1964 и др.).

³ Диалогу авторского сознания и чужого сознания в лирике середины 1820-х—1830-х годов принадлежит важное место; см. посвященные этой теме работы В. А. Грехнева: 1) Другое «я» в элегиях Пушкина. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1983, с. 130—146; 2) Жанровый объект и лирический субъект в элегиях Пушкина. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1982, с. 106—125; 3) Лирический сюжет в поэзии Пушкина. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1977, с. 4—23.

персонажи второго плана, случайные встречные,⁴ исторические события и участники их. Вместе с расширением образных границ и накоплением новых лирических мотивов все менее уловимым, однозначным становится авторское лицо. Не случайно И. М. Семенко высказала мнение, с которым сегодня согласно большинство исследователей пушкинской поэзии, что «лирический герой» как некое единство отсутствует в поздней лирике Пушкина.⁵ По отношению к этому периоду уместнее говорить о *поэтическом мире*, рассматривая это выражение как своего рода термин.⁶ В современном его истолковании понятие поэтического мира призвано заменить собою все привычные способы обозначения лирического субъекта (как, например, «лирическое я», «лирический характер», «лирический герой»). Но правомерна эта замена только для таких поэтических систем, «в которых вопрос о субъекте речи при восприятии не существует: авторское сознание в них выражено непосредственно, а не через совокупность «я» — «посредников».⁷ Здесь есть не столько носитель определенного ощущения, сколько так называемый поэтический мир. Личность тут не главный момент изображения. Н. А. Ремизова предлагает называть поэтическим миром «особо близкую автору сферу жизни» и «характер поэтического видения».⁸ Последнее, как нам представляется, доста-

⁴ Такие, как «любезная калмычка» или «непроворный инвалид», «слуга, несущий... чашку чаю», «ленивый попенюк» и пр.

⁵ Семенко И. М. О роли образа «автора» в «Евгении Онегине». — Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской. 1957, т. II, с. 127—128.

⁶ По-разному объясняя смысл этого термина, все, однако, отправляются от известного суждения Р. Якобсона: «В многообразной символике поэтического произведения есть некоторые постоянные, организующие принципы, <...> являющиеся носителем единства в пестроте многочисленных произведений одного автора, принципы, накладывающие на эти разрозненные фрагменты печать единой личности, <...> вносящие связанность определенной мифологии; принципы, делающие произведения Пушкина пушкинскими <...> Если мы хотим овладеть символикой поэта, мы должны прежде всего обнаружить те постоянные символы, из которых складывается мифология этого поэта». (Jakobson R. Puškin and his Sculptural Mith. The Hague; Paris, 1975, p. 1—2).

⁷ Корман Б. О. Лирика Некрасова, с. 200—208. Этот вопрос также рассмотрен в ст.: Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора. — В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 204.

⁸ Ремизова Н. А. Поэтический мир как форма выражения авторского сознания в творчестве А. Т. Твардовского. — В кн.: Проблема автора в художественной литературе. Воронеж, 1967, вып. I, с. 84.

точно сложно установить с должной мерой объективности. В некоторой степени этому может способствовать работа по описанию мотивной структуры поэзии Пушкина, проведенная А. К. Жолковским и Ю. К. Щегловым.⁹ В свете своих поисков они определяют *поэтический мир* как «систему инвариантных мотивов, характеризующую тексты одного автора».¹⁰ Однако такое понимание исключает хронологический подход к творчеству автора, игнорирует наличие жанрового канона. Последний присутствует в ранней лирике Пушкина явно, а в поздней — как воспоминание, как колористическое средство (или как сигнал другой поэтической системы¹¹). Поэтическое видение связано и с таким моментом, как исходная мотивировка создания данного лирического текста (в прежней системе это было непосредственно связано с жанром), его композиция. Прежде всего это стихотворения, центральным мотивом которых является воспоминание. Настоящее выступает на фоне прошлого, высвеченное его значительностью. Сегодняшнее переживание созвучно ушедшему, и это устанавливает преемственность между знакомым читателю образом «лирического героя» начала пушкинской поэзии и *поэтическим миром* 1830-х годов.

Например, стихотворения «прощального цикла» переключаются с другим условным «циклом» начала 1820-х годов (стихотворения «Зачем безвременную скуку...», «Увы! Зачем она блистает...», «Придет ужасный час, твои небесны очи...»). Тема «умершей возлюбленной», в ранней лирике явно искусственная, «литературная», в стихотворениях 1830 года приобретает биографический подтекст. Новые подробности углубляют ее, закрепляя как одну из главных биографических тем в поэтическом мире пушкинской лирики.

В стихотворении 1830 года «В часы забав иль праздной скуки...» как непрямая цитата возникает образ поэта-ленив-

⁹ Жолковский А. К. Материалы к описанию поэтического мира Пушкина. — В кн.: Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes. /Ed. Nils Ake Nilsson. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1979, с. 45.

¹⁰ Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. К понятию «тема» и «поэтический мир». — Уч. записки Тартуского гос. университета, 1975, вып. 365. (Труды по знаковым системам, VII), с. 143—167.

¹¹ См. интересные наблюдения над стихотворениями так называемого «прощального цикла» в кн.: Грехнев В. А. Болдинская лирика Пушкина: 1830. Горький, 1980, с. 123—171.

ца — устойчивая авторская маска лицейских лет и лирики начала 1820-х годов:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Еще более конкретна в этом же стихотворении реминисценция из «Пророка»:

Твоим огнем душа пала
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт (III, 212).

Многократно повторяемые в романтических элегиях 1820-х годов мотивы «утраченной младости», «изменниц молодых» в стихотворении «Когда в объятия мои...» возникают в контексте развернутого воспоминания о прошлом:

Кляню коварные старанья
Преступной юности моей
< >
Кляню речей любовный шепот,
[Стихов таинственный напев],
И [ласки] легковых дев,
И слезы их, и поздний ропот (III, 222).

Еще более многозначительна ситуация возвращения в прошлое в стихотворении «Когда порой воспоминанье...». Образы его первой части неоднократно повторялись в предшествующей пушкинской поэзии: в незавершенных и оставленных фрагментах,¹² в I главе «Евгения Онегина»:

...светлый кр < ай >, где н < ебо блещет >
Неизъя < снимой > си < невой >,
Где < море > те < плую волной >
На мрамор ветхой тихо плещет,
И лавр и тем < ный > ки < парис >

¹² «Кто видел край, где небо блещет...», «Таврида», «Кто видел край, где роскошью природы...», «Близ мест, где царствует Венеция златая...».

На воле пыш<но> разрослись,
Где пел Т<орквато величавый>,
Где и теперь <во> мг<ле> но<чной>
Далече звонкою скалой
[Повторены] пловца октавы (III, 243).

Налицо сознательная автоцитата, воспоминание не столько о реальном крае, сколько о собственной поэтической мечте, о ее отражении в биографии «лирического героя».

Не вызывает сомнений, что в стихотворении «Из Пиндемонти» заявление о безразличии к делам печати должно восприниматься на фоне «Послания цензору» 1822 года, а новая программа поведения повторяет основные мотивы последних строк «Элегии» 1830 года:

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья (III, 420).

Подробно проанализированы Н. Л. Степановым многочисленные перекликающиеся мотивы в стихотворениях «Деревня» и «Вновь я посетил...».¹³

Перечисленные примеры не исчерпывают собою всех возможных сопоставлений. Очевидно, что биография «лирического героя» ранней пушкинской поэзии приобретает качества реальности, так как ее фрагменты под видом воспоминания входят в лирический сюжет наряду с конкретными эмпирическими впечатлениями сегодняшнего дня. В лирике происходит смешение «мира действительного» и «мира вымышленного», подобно тому как в «Евгении Онегине» сочетаются «роман автора» и «роман героев».¹⁴ Воспринимая своего «лирического героя» 1820-х годов как созданную им самим реальность, Пушкин опирается на опыт остранения, осуществленного в «Евгении Онегине». Материалом для образов Ленского и Онегина в романе в значительной мере послужила доонегинская лирика, они «вышли» из того же лирическо-

¹³ Степанов Н. Л. Лирика Пушкина, с. 355—367.

¹⁴ Эти обозначения двух повествовательных сфер в «Евгении Онегине» впервые употребил С. Г. Бочаров (см. Бочаров С. Г. «Форма плана». — Вопросы литературы, 1967, № 12, с. 115—136).

го субъекта, который в читательском сознании отождествляется с обликом самого Пушкина.¹⁵

Взаимодействие «зон героев» с «зоной автора»¹⁶ в «Евгении Онегине» зачастую приводит к углублению возникшей в мире персонажей темы лирического отступления. Позиция наблюдателя, первоначально занятая повествователем, переходит в позицию соучастия, сочувствия и, затем, в лирическое отступление. Именно так подготавливается переход в зону автора в I гл. (XXVII—XXXIV, XLV—L, LIV—LIX), II гл. (XVII—XVIII, XXXVII—XL); III гл. (XXI—XXX); IV гл. (XVII—XXII, XXVII—XXX, XXXIV—XXXV, XLIV—XLVI). Порою авторское личное отношение иронически оттеняет позицию героя, порою переводит тему из житейского ряда в поэтический. Но так или иначе, в поэтическом мире романа авторский образ оказывается самым динамичным и трудноуловимым,¹⁷ так как выступает лишь в отношениях с более устойчивым, определенным миром героев. Но и в мире героев постепенно накапливается энергия противоречия, заставляющая отказаться от первоначальной мнимой ясности. Вместе с размышлением о судьбе Ленского в «Евгении Онегине» входит иная форма отношения автора к своим персонажам. Тайна чужой индивидуальности, ее скрытые потенции, обнаруживающиеся в зоне героев, заставляют отказаться и от прямолинейных самооценок в лирических отступлениях. Так воз-

¹⁵ Это обстоятельство отмечено всеми авторами комментариев к роману: Бродский Н. Л. «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина М., 1957; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980; комментарий А. Е. Тархова в изд.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1980; Nabokov Vladimir. Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksander Pushkin. V. 1. — 4. N. J., 1964.

¹⁶ Термины М. М. Бахтина (см.: Бахтин М. М. Слово в романе. — В кн.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975, с. 134—137).

¹⁷ Сложная структура авторского образа в романе рассматривается во многих исследованиях; напр.: Бочаров С. Г. Указ. соч.; Грехнев В. А. Диалог с читателем в романе Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979, т. IX, с. 100—109; Рыбникова М. А. Автор в «Евгении Онегине». — В кн.: Рыбникова М. А. По вопросам композиции. М., 1924, с. 22—46; Семенко И. М. Указ. соч.; Сидяков Л. С. К изучению образа автора в «Евгении Онегине»: (Автобиографическое начало в романе). — В кн. Болдинские чтения. Горький, 1982, с. 31—40); Mejer Jan M. The Digressions in Evgenij Onegin. — Dutch Contributions to the Sixth International Congress of Slavists. The Hague, Paris, 1968; Hielscher Karla. A. S. Puškins Verseepik: Autoren-Ich und Erzählstruktur. München, 1966.

никают большие лирические фрагменты VI—VIII глав, исполненные вопросов, на которые нет простого ответа. Нечеткая, амбивалентная характеристика главного героя в VIII главе, построенная как ряд равноправных вопросов-предположений, повторяет схему авторского отступления в начале VII главы. Таким образом, и в зоне героев и в зоне автора складывается такой тип характеристики (или автохарактеристики), который основан на осознании принципиальной «безответности» некоторых вопросов.

В поэзии 1830-х годов подобный ход лирического сюжета обнаруживается часто (в стихотворениях «Цветок», «Бесы», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Труд», «Что в имени тебе моем?..», «Мирская власть»). Кроме того, опыт «Евгения Онегина» в рассматриваемый период сказался и в таких стихотворениях, где чужая судьба, чужой жизненный путь становится объектом авторской рефлексии («К вельможе», «Полководец», «Перед гробницею святой...», «Мы рождены, мой брат названный...»).

Мы обнаруживаем, таким образом, что опыт осмысления собственного «я» в свете другой личности, в реальных или условных отношениях с ее миром приходит из романа в лирику 1830-х годов и становится одним из ее конструктивных элементов.

Значительное место в лирике 1830-х годов занимают стихотворения с «внесубъектной» формой выражения авторского сознания,¹⁸ то есть без местоимений первого лица, что максимально сближает их с чисто повествовательными фрагментами романа.

В целом в поэтическом мире 1830-х годов оказываются рядом такие противоположные и, казалось бы, трудно совместимые формы раскрытия авторского «я» как «персонаж», и предельно погруженное в глубины своей индивидуальной психики «я» стихотворения «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», и не отмеченный в тексте повествователь. Совмещение этих моделей в читательском сознании в единый образ «поэта» аналогично тому, как «повествователь», «персонаж» и «лирический герой» «Евгения Онегина» сливаются в «образ автора». Эта противоречивая цельность авторского образа в романе, по мнению Ю. М. Лотмана, связана с об-

¹⁸ Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора, с. 204.

щей установкой Пушкина на создание как бы «внелитературной» структуры, живущей по законам более сложным, чем законы литературного жанра, стиля, системы.¹⁹ Очевидно, в поэзии Пушкина 1830-х годов мы можем усмотреть то же стремление к воспроизведению реальности в имманентных ей формах, передающих неуловимую многозначность и противоречивость бытия.

¹⁹ Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. Тарту, 1975, с. 95—96.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

РИГА 1986